

КЭРРИ ЛЕЙТОН

НЕ РАНЬ МОЮ ДУШУ

18+

amore

ЧУВСТВЕННЫЙ ИТАЛЬЯНСКИЙ СУПЕРБЕСТСЕЛЕР

AMORE. Итальянская романтика

Кэрри Лейтон

Не рань мою душу

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44

Лейтон К.

Не рань мою душу / К. Лейтон — «Издательство АСТ»,
2022 — (AMORE. Итальянская романтика)

ISBN 978-5-17-168225-5

Ванесса думала, что, покинув город, сможет забыть его предательство. Томас надеялся, что, изменив жизнь, сможет заглушить чувство вины. Оба ошибались. Случайная встреча в университете становится полем их новой битвы. Застарелая обида выливается в язвительные провокации, но под пеплом гнева все еще тлеет огонь запретного притяжения. И этот огонь вот-вот вспыхнет с новой силой. Говорят, после бури наступает затишье. Но что, если их настоящая буря только начинается?

УДК 821.131.1-31

ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-17-168225-5

© Лейтон К., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Пролог	6
Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Кэрри Лейтон

Не рань мою душу

© Copyright © 2022 Adriano Salani Editore s.u.r.l. Milano Gruppo editoriale Mauri Spagnol S.p.A.

© Ж. Диченко, перевод на русский язык

© В оформлении макета использованы материалы по лицензии © Shutterstock.com

© ООО «Издательство АСТ», 2025

Published by arrangement with ELKOST International literary agency

Дизайн обложки Виктории Давлетбаевой

* * *

Говорят, что глаза – это зеркало души, но не у всех оно есть

Пролог

В детстве мне часто снился один и тот же сон: в небе кружили чайки, я сидела на деревянном пирсе и наблюдала за спокойным морем. Необъятным. Легкий ветерок трепал волосы, по небу плыли облака. Тишину нарушал только шум волн.

Я чувствовала себя свободной, как и чайки, что носились над моей головой, будто играли в салки. Наблюдая за ними, я представляла, что тоже смогу расправить крылья и полететь вместе с ними. Добраться до самой высокой точки мира, любоваться жизнью оттуда. Я верила, что смогу увидеть все что угодно. Каждый конфликт, каждую пролитую слезу, каждый украденный поцелуй. И, возможно, научусь больше ценить каждый день. Смогу принять значимость всех событий и понять, что люди осознают истинную ценность жизни только в тот момент, когда находятся в шаге от того, чтобы ее потерять.

Часть 1

Глава 1

Рев мотоцикла вибрацией отдавался в костях. Будто *требовал* моего внимания.

Дыши, Ванесса, дыши.

У него больше нет над тобой власти.

У него действительно ее нет.

Атмосфера вокруг накалилась. По кампусу сновали студенты, охваченные безумием от возвращения после зимних каникул, и наполняли двор гомоном. Я кожей почувствовала напряжение, исходящее от двигателя позади меня. Отвела взгляд от внушительного фасада Мемориального союза из красного кирпича и попыталась набраться храбрости.

Горло сдавил спазм, сердце бешено заколотилось. Я сжала кулаки, расправила плечи и повернулась в его сторону, полная решимости доказать прежде всего себе, что его присутствие меня не волнует. Больше не волнует.

Томас сидел на мотоцикле, одной ногой держал его вес, а другой опустил подставку. Мышцы бицепсов под кожаной курткой напряглись. Он снял шлем, встряхнул головой, волосы упали на лоб, и я заметила, что с нашей последней встречи они отросли. Томас выглядел еще привлекательнее, чем раньше. Черт бы его побрал. Он не заслужил такой красоты.

Повесив шлем на руль, Томас слез с мотоцикла, оперся на него и достал из заднего кармана темных джинсов пачку сигарет. Поднес одну к губам, склонил голову набок, татуированной рукой со стальными кольцами на пальцах прикрыл пламя зажигалки и поднял взгляд на меня. Решительный, острый, будто знал, что я здесь, в нескольких метрах от него.

У меня свело желудок, а сердце будто придавило каменной глыбой.

Последний раз мы виделись больше месяца назад, но сейчас мне казалось, что прошло всего несколько часов с тех пор, как я покинула его комнату и обратилась в бегство с разбитым сердцем. Комнату, где все началось и все закончилось. Комнату, где я чувствовала себя желанной и защищенной, а потом отвергнутой и покинутой.

Но за прошедший месяц все изменилось. Я изменилась. Я обнаружила, что в потере всего есть и положительная сторона: ты остаешься одна и понимаешь, что можешь быть самодостаточной. Опустившись на самое дно, я осознала, кто я такая и какова моя ценность. И теперь никому, в первую очередь Томасу, не позволю снова заставить почувствовать себя слабой и обманутой.

Я засунула руки в карманы расстегнутого шерстяного пальто и с вызовом уставилась на Томаса. Он прищурился, зажал сигарету губами, выпустил облако дыма и заскользил своими пронзительными зелеными глазами по моему телу. Я постаралась не обращать внимание на растекающееся по венам тепло и вложила в ответный взгляд все, что хотела бы выкрикнуть словами: гнев, негодование, презрение.

В голове же крутился вопрос: удалось ли Томасу взять себя в руки и избавиться от дерьма, которым он злоупотреблял до нашего расставания?

От мысли, что это не так, сердце сжалось. Пусть для нас двоих не осталось надежды. Но я не смогу успокоиться, пока не буду уверена, что Томас все же обрел покой.

Да, в душе и на сердце бушевала гамма эмоций, часть меня подпитывалась враждебными чувствами, ведь они помогали быть сильной, и все же я напомнила себе, что вернулась в Корваллис, чтобы начать все с правильной ноты, поэтому не позволю Томасу расстраивать меня. Ни сейчас, ни когда-либо еще. Поэтому я молча развернулась и отправилась к корпусу на занятия. Но не успела сделать и шага, как меня со спины обняли тонкие руки.

– Боже мой, ты вернулась! Ты жива! – Тиффани сжала меня еще крепче. – И цела!
– Да, вернулась, – подтвердила я с улыбкой. – Жива и цела...

Тиффани взяла меня за плечи, повертела, осмотрела с ног до головы, и, прищурившись, спросила:

– Что ты с собой сделала?

Я поморщилась от оценивающего взгляда подруги. На мне джинсовая юбка в обтяжку, черные колготки и того же цвета водолазка – то, что я купила в ларьке в Финиксе накануне отъезда. Из привычного только обувь – мои любимые конверсы.

– Ничего, просто прогулялась по магазинам. Еще, сама того не желая, немного загорела. Это не клише, в Финиксе действительно всегда солнечно.

– Хм, – Тифф скрестила руки на груди. Мои слова явно ее не убедили. – Ты похудела, ты там ела вообще? Я же просила Алекса присматривать за тобой, следить, чтобы ты не голодала. Он это делал?

– Тебе не о чем беспокоиться, *мамочка*, – я передразнила интонацию подруги. – Я просто много тренировалась со Стеллой.

Я улыбнулась, чтобы успокоить Тиффани. Она покачала головой и убрала прядь русых волнистых волос за плечо.

– Никак не привыкну, что ты занимаешься кикбоксингом.

– Да, для меня это тоже стало открытием. – От мысли, что мне есть чем еще ее удивить, я испытала восторг. – Хочешь увидеть что-то действительно крутое?

На лице Тиффани отразилась неуверенность, но я видела, что заинтриговала ее. Сдержала улыбку, подала знак подойти ближе и задрала водолазку до уровня декольте.

– Несси, мы в саду, окруженные сотнями студентов. Что ты задумала? – Брови Тиффани устремились ко лбу.

– Смотри! – возбужденно прошептала я.

Подруга перевела взгляд на мое декольте, прищурилась и воскликнула:

– Нет!

– Да! – пискнула я, как дурочка, не в силах сдержать волнение.

Тиффани посмотрела на меня, на вытатуированную розу, затем снова на меня.

– У тебя татуировка *между сиськами*?

– Ш-ш-ш! – Я заткнула ей рот ладонью, оглядываясь по сторонам.

– Прости, я просто в шоке! Ты же боишься иголок, в последний раз, когда врач брал у тебя кровь, ты чуть в обморок не упала.

– Знаю. На самом деле это получилось спонтанно. Пару дней назад я случайно проходила мимо тату-салона и поняла, что желание сделать татуировку пересилило страх.

– Не могу поверить... Почему, черт возьми, ты не сказала мне об этом сразу! Я бы потребовала видео в прямом эфире!

– Я хотела сохранить эффект неожиданности.

– Ну, знаешь ли, теперь точно можно сказать, что ты официально перешла на темную сторону. – Тиффани хлопала меня по плечу. – Боже мой, если бы твоя мать узнала о тату, она бы умерла...

Тифф осеклась, заметив, что я вздрогнула. Она прекрасно знала, что после всего, что мне открылось, я не хотела даже слышать ее имя.

– Мне очень жаль, – поспешно сказала Тифф.

– Все в порядке. – Я пожала плечами, пытаюсь изобразить безразличие.

– Ты больше ничего о ней не слышала?

– Нет... – Я вздохнула, чувствуя, как горлу подступает тошнота. – Я заблокировала ее номер, она попыталась связаться со мной с телефона Виктора, но я не ответила.

Тиффани ласково сжала мои руки.

– Ты не представляешь, как сильно я хотела быть там с тобой.

– Знаю.

Мы обнялись и замерли на несколько секунд. Это невольно всколыхнуло воспоминания о том, что я обнаружила в тот день, когда снова увидела отца. Вернее, человека, которого считала отцом. Я снова ощутила себя преданной из-за секретов, которые хранила мама. Снова испытала боль одиночества, потому что не на кого было положиться в момент, когда рушится все, во что ты раньше верил... Я помотала головой, прогоняя беспокойные мысли, заполонившие разум, и именно в этот момент мимо нас прошел Томас вместе с невысокой шатенкой, которую я раньше не видела.

Кажется, он с ней близок: смеется, шутит, обнимает за плечи, прижимает к себе.

Точно так же, как когда-то делал *со мной*.

От увиденного возникло ощущение, словно из груди вырвали сердце.

Не позволяй себя расстраивать!

Я закрыла глаза и постаралась не обращать внимания на пронизывающую боль. Бесплезно. В голове замелькали гипотезы.

Томас не из тех парней, кто просто так обнимается с девушкой. У него нет *подруг*. Есть только «подружки», которых он или уже затащил в постель, или планирует это сделать. Он сам мне в этом признался.

И эта девушка не станет исключением...

Глаза заволокло пеленой грозящих вот-вот хлынуть слез.

Неужели он так быстро меня забыл? Так легко заменил? Боже мой, меня сейчас стошнит.

Тиффани заметила перемену моего настроения, отстранилась от объятий и задумчиво посмотрела на меня.

– Эй, все в порядке?

Я сделала глубокий вдох.

Вспомни, как он тебя обидел, Ванесса. Вспомни слова, которые выплюнул в тебя. Вспомни пролитые слезы. Бессонные ночи.

Ты ненавидишь его.

Ужасно ненавидишь.

И у него больше нет над тобой чертовой власти.

Я открыла глаза и вымученно улыбнулась, стараясь не выдать ни йоту боли, которую чувствовала. Если я чему-то и научилась за последнее время, так это притворяться целой, несмотря на разбросанные повсюду осколки.

– Конечно, все хорошо, – соврала я, взяла подругу под руку, и мы отправились в аудитории.

Первые занятия нового семестра пролетели незаметно, и, к счастью, мне удалось избежать Томаса. Помогло то, что общих курсов у нас теперь не было – я переделала учебный план, подстроив его под четкую идею. За последний месяц я прояснила многие аспекты своей жизни и теперь более четко видела будущее.

Злость, которую я испытывала к Томасу, не стерла сочувствие к его прошлому, а знакомство с его историей пробудило во мне новые мысли. Я своими глазами увидела ужасающую реальность, в которой он родился и вырос, видела, к каким последствиям она привела, и задумалась: сколько еще женщин вынуждены жить под гнетом диктатора и жестокого мужа, сколько детей *погибает*, вырастая в такой обстановке.

Я провела небольшое исследование, и статистика ошаршила.

Хуже всего то, насколько мало информации и способов защиты у семей, подвергающихся домашнему насилию. Вспыхнувший гнев тут же превратился в желание действовать.

Я не рассчитывала изменить мир, но знала, что смогу помочь иначе: дать *надежду* тем, у кого ее отняли. Или хотя бы вызвать небольшой резонанс в СМИ. Поэтому свободный час, появившийся до обеденного перерыва, я провела с пользой.

– Я слышала, что в отделе новостей есть вакансия, – начала я, как только вошла в офис университетской газеты «*Ежедневный барометр*».

Об этом мне написала Лейла около часа назад, и я восприняла информацию как знак судьбы. Вооружилась смелостью и решимостью, переступила порог офиса, пронизанного успокаивающим запахом бумаги и чернил, и направилась к единственному занятому рабочему месту. Над ним висела черная пластиковая табличка с надписью «Уилл Таннер. Большой босс».

Молодой главный редактор бросил стопку бумаг на переполненный стол, поднял голову, снял очки, провел рукой по лбу, откидывая темные локоны, и искоса посмотрел на меня.

– Вы кто?

– Ванесса Кларк. Второкурсница. Несколько недель назад написала статью о злоупотреблении властью со стороны полиции от имени Лейлы Коллинз.

– Наконец-то мы встретились лично. И да, этот новичок Бишоп не выдержал напряжения и сдался, – фыркнул Уилл.

Я не ответила. Я здесь не для этого.

Поправила ремень от сумки на плече и шагнула вперед.

– Я бы хотела занять его место.

– А кто бы этого не хотел?

Уилл повертел дужку очков большим и указательным пальцами.

– Наше издание – это не школьная газета, к которой многие из вас привыкли. Наша газета – одна из лучших студенческих газет в штате Орегон. – Он положил очки на стол, взял термос с кофе, сделал глоток. – Если ты хочешь стать частью этого, то должна быть готова много работать. Я требователен, мне нужна полная отдача от каждого сотрудника.

– Конечно, я знаю об этом. – Я подняла подбородок. – И готова вложить все свои силы. Даже больше, если потребуется.

Он прищурился, внимательно изучая меня.

– Та статья была написана хорошо, но это ведь могло получиться случайно. – Он сделал еще глоток кофе, не сводя с меня глаз, и покачал головой: – Я хочу дать тебе шанс. Место Бишопы – то, что зади. С этого момента оно твое.

Уилл налил кофе в пластиковый стаканчик и протянул его мне вместе с бейджиком, на котором по-прежнему значилось имя Пола Бишопы.

– Уже думала, какое направление хотела бы освещать?

– Криминальные или судебные новости. Но вообще я согласна на все, – я сделала глоток кофе и чуть не выплюнула его обратно в стакан. Он оказался холодным и *слишком* приторным.

Не обращая внимания на мое отвращение, Уилл задумчиво поднес указательный палец ко рту.

– Представляешь, а ведь тебе повезло. У меня уже кое-что для тебя есть. Завтра в конце занятий материал будет на столе.

– Отлично! – я довольно улыбнулась.

Мы с Уиллом вместе вышли из редакции и отправились в столовую, по пути обменялись шутками о моих интересах. Я рассказала о желании поднять забытые социальные проблемы, он внимательно слушал, а я держала кофе в руках и не могла сдержать волнения и счастья от того, что мне удалось получить эту работу.

Как только мы свернули за угол, я врезалась в чью-то грудь. Кофе пролился на меня, испачкал новое пальто и джемпер.

– Черт побери! – выругалась я, чувствуя, как щеки вспыхнули от гнева. Я подняла взгляд и заметила, что испачкалась не только моя одежда, но и толстовка человека, стоящего передо мной.

Я замерла, как только поняла, что это Томас.

С завидной оперативностью Уилл достал из кармана брюк пачку салфеток, вытащил несколько штук и начал вытирать ткань на моей груди, несмотря на явное смущение с моей стороны и на еще более явное негодование со стороны Томаса.

Уилл не сразу, но осознал, насколько неуместен был этот жест. Он резко опустил руку с платком, словно внезапно обжегся, и передал его мне.

– Прости, – неловко пробормотал он, поправляя очки, сползшие на кончик носа.

– Не волнуйся, никаких проблем. – Я улыбнулась, чтобы успокоить его, продолжая вытирать кофейные пятна на рубашке.

– А для меня носовых платков нет, – усмехнулся Томас.

Я на мгновение замерла, перевела взгляд на Томаса, он с яростью смотрел на Уилла: кулаки сжаты, челюсть стиснута. Настроение передалось и мне, я сузила глаза и с силой смяла ни в чем не повинную салфетку.

– Конечно, конечно, – Уилл, все еще взволнованный маленьким инцидентом, протянул Томасу всю упаковку. – Вот, возьми.

Уилл проявил любезность. Любезность, которую Томас не заслужил, поскольку не удостоился его даже поблагодарить. Томас вытащил два последних платочка и выдал в своей высокомерной манере:

– Хочешь и меня облапать или... мне сделать это самому?

Я застыла в изумлении.

Он шутит?

Что он о себе возомнил?

– Томас, *не смей*...

Я бросила на него косой взгляд, но Уилл перебил:

– Кларк, извини меня, пожалуйста. Уверяю, что не собирался протягивать руку помощи. Я не такой человек. – Он подчеркнул последнее предложение, обращаясь к татуированному парню перед собой. – Я лучше пойду, увидимся завтра в редакции.

Он попрощался с натянутой улыбкой и исчез в коридоре.

Томас невозмутимо вытирал пятно от кофе салфетками Уилла, не обращая на меня ни малейшего внимания.

Зато я смотрела на него с яростью.

– Ты мудака, – выпалила я со злостью, которая кипела во мне уже несколько месяцев.

– В следующий раз смотри, куда идешь, – рыкнул он, пронзая меня ледяным взглядом.

– Это и тебя касается, – бросила я в ответ и ушла, толкнув его плечом.

В кафетерии я села за первый попавшийся свободный столик. Стараясь не привлекать внимания, огляделась, проверяя, не последовал ли за мной Томас. Его нигде не было. Да и к черту его.

– Ты все еще не отказалась от своей идеи?

Тиффани потягивала цитрусовый напиток, Алекс рядом с ней доедал кусочек курицы.

– Имеешь в виду поиски моего биологического отца? – я смахнула со стола крошки, оставшиеся после обеда.

Тиффани кивнула. Я почувствовала на себе взгляд Алекса, он тоже ждал моего ответа.

– Да, я все еще хочу это сделать, – уверенно сказала я. – Просто я не могу продолжать жить в неведении.

Это не было поспешным решением: я долго думала над ним во время каникул в Финиксе, взвесила все доступные мне возможности. После того как я в панике покинула Монтану, мой отец Питер завалил меня звонками. И как-то раз, вместо того чтобы избежать разговора, я воспользовалась моментом и сказала, что если он хочет сохранить хоть крупицу наших отношений, то сейчас самое время. Спросила о моем биологическом отце, но Питер не смог ответить, объясняя это тем, что мама отказывалась даже затрагивать эту тему, и он двадцать лет назад, молодой и влюбленный, согласился с ее молчанием.

Питер казался искренним, и я поняла, что уже простила его. Отец посоветовал поговорить об этом с мамой, попытаться добиться от нее правды и пообещал, что будет рядом несмотря ни на что. Конечно, я его не послушала.

– Ты уверена, что не хочешь спросить Эстер? – поинтересовалась Тиффани. – Я знаю, мы уже говорили об этом, но...

– Исключено. Она ушла из моей жизни, пусть и дальше держится подальше.

Я больше не хотела иметь с ней ничего общего. За прошедшие годы я многое пережила, но она больше не выгонит меня из дома и не заставит выбрать парня из хорошей семьи. Мама скрывала существование настоящего отца и заставляла человека, который меня вырастил, бежать от меня же как можно дальше. Она жонглировала жизнями всех нас по своему усмотрению, обращалась с нами так, словно мы были марионетками в ее руках. Я не смогу ее простить – она зашла слишком далеко.

– Ну, если так... У моего отца много связей, – напомнила Тифф. – И среди частных детективов, и среди полицейских, я уверена, что с их помощью смогу что-нибудь найти. Но только если ты уверена в том, что делаешь.

Она потянула руки через стол, пока не нашла ими мои ладони.

– Я хочу быть уверена, что ты серьезно взвесила все «за» и «против». И что приняла во внимание гипотезу, что этот человек, кем бы он ни был, ничем не лучше твоей матери. Они ведь оба виноваты. Ты это понимаешь?

Я повернулась к окну рядом с собой, задержала взгляд на голом саду, посмотрела на небо: голубое, безоблачное. Январское солнце грело, проникая сквозь стекло.

– Понимаю, – слабо ответила я, не глядя на Тиффани. – Но я ищу отца не для того, чтобы строить с ним отношения. Я ищу его, потому что хочу знать правду. Хочу знать всю историю, – призналась я, не в силах оторвать взгляд от облаков, белых, как сладкая вата, безмятежно бегущих друг за другом.

Когда я отвела взгляд от неба, то едва не вздрогнула, заметив Томаса.

Он сидел в саду на краю деревянного стола, положив ноги на скамейку, и курил. Привычка, от которой Томас никогда не откажется.

Мимо проходило несколько парней, они поприветствовали Томаса и остановились, чтобы поболтать. Я узнала Мэтта и Винса. Парни что-то говорили друг другу, смеялись. Увидев улыбку Томаса, такую спонтанную и безмятежную, я почувствовала боль. Кажется, прошла целая вечность с тех пор, как я видела его таким.

Когда парни ушли, Томас склонился над телефоном, с серьезным и сосредоточенным лицом что-то набрал в сообщении, но, получив ответ, расстроился или рассердился и бросил телефон на стол. Стряхнул пепел с сигареты между ног и поднял голову в мою сторону.

От его взгляда в груди разгорелся пожар. Томас смотрел так, словно хотел, чтобы я поняла, что все еще нахожусь в его руках, что у него есть и всегда будет власть надо мной, даже спустя время.

Глупый идиот.

Я стиснула зубы и уставилась на него, переполненная враждебности. Между нами будто началось соревнование: кто первым отведет взгляд. Ни один из нас не хотел сдаваться. Томасу, видимо, это показалось забавным, потому что он слегка наклонил голову и усмехнулся.

«Не позволяй ему спровоцировать тебя», – приказала я себе, прикусывая губу и покачивая ногой под столом.

Но чем дольше он смотрел на меня и бросал вызов, тем сильнее чесались от нервозности руки.

Рядом что-то бормотал Алекс, Тиффани над ним хихикала, но я их едва слышала, потому что сосредоточилась на Томасе.

А он сосредоточился на мне.

Словно ничего не мог с собой поделать. Словно все еще считал себя вправе смотреть на меня. Классическим взглядом Томаса Коллинза. Тем, который способен сканировать, пока у тебя не перехватит дыхание. Своим наглым, *бесстыдным* взглядом.

Он знал, как я ненавижу, когда на меня так смотрят, и все равно смотрел, высокомерно, и спокойно курил чертову сигарету.

Ненавижу его.

Ненавижу до глубины души.

«Отвернись. Остановись. Не ведись на провокацию», – повторяла я про себя, пока мы, разделенные лишь стеклом, изучали друг друга с ног до головы, как кошка изучает добычу. Именно с таким настроением я и смотрела, надев на лицо угрожающую маску.

На меня нахлынул прилив адреналина, я не смогла взять его под контроль, а сердце бешено заколотилось. Я выскочила из-за стола под растерянными взглядами друзей и направилась в сад. К парню, от которого неоднократно обещала себе держаться подальше. Игнорируя внутренний голос, который пытался остановить меня и просил не доставлять ему такого удовольствия, потому что именно этого Томас и добивался: заманить в свою ловушку.

Томас скрестил руки на груди и с самодовольным видом наслаждался зрелищем, как будто только и ждал, чтобы я наконец оказалась здесь, всего в нескольких шагах от него. Удивительно. Ведь утром он тискал ту девушку, пока она пыталась убить меня взглядом.

– Как же ты предсказуема, – хмыкнул Томас, приподнимая уголок рта, когда я подошла ближе. – Не прошло и дня, а ты уже бежишь ко мне. – Он сделал небольшую паузу, сосредоточив внимание на кончике сигареты. – Видимо, ты сильно скучала по мне во время своего... духовного ретрита, – усмехнулся он и выпустил струйку дыма мне в лицо.

От ярости во мне задрожал каждый нерв. Но, да поразит меня Господь, если я доставлю ему удовольствие и покажу эту ярость. Если Томас хочет поиграть, я с радостью отплачу его же монетой.

– Ты так на это надеялся? – Я скрестила руки и сощурилась. – Что я вернусь к тебе? Что буду скучать? – передразнила я. – Жаль тебя разочаровывать, Томас, но чтобы скучать по кому-то, нужно к нему что-то испытывать. После нашего последнего разговора, думаю, очевидно, что ты мало для меня значишь. Я думала, что мой поступок прояснил для тебя ситуацию.

Намек на ночь, которую я якобы провела с Логаном, дошел до него, потому что его плечи мгновенно напряглись, а глаза загорелись.

Удар. Попадание.

Я лукаво улыбнулась и, как всегда нахально, вытащила у него изо рта сигарету, бросила на землю и раздавила носком конверса. Во взгляде Томаса мелькнуло что-то новое... Будто мой жест его заинтриговал. Или даже *очаровал*.

Если бы я не злилась на него, если бы не ненавидела так сильно, как сейчас, то сочла бы сексуальным то, как его губы скривились в довольной ухмылке.

– Я пришла только для того, чтобы напомнить, – сухо бросила я, – в Университете штата Орегон тысячи студентов. Так что с этого момента обращай свое жалкое внимание на того, кому это действительно безразлично.

Томас вскинул бровь, явно не воспринимая меня всерьез. Но я не сдалась, расправила плечи и, не дрогнув, посмотрела ему в глаза. Когда Томас понял, что я *чертовски* серьезна, с его лица исчезло все веселье.

Уверенная в том, что он понял мое сообщение, я уже собралась повернуться к нему спиной, но Томас меня остановил. Схватил за запястье и притянул к себе грубым, собственническим рывком, который застал врасплох.

От прикосновения его рук перехватило дыхание, на поверхность вырвалось тепло, которое я подавляла, оно разлилось по всему телу сильнее чем когда-либо. Мы оказались так близко, что почти соприкоснулись носами. Мое предательское сердце неконтролируемо заколотилось, а дыхание сбилось, будто боялось преодолеть несколько сантиметров, разделяющих нас.

– Оставь меня... – едва слышно прошептала я, не пытаясь вырваться.

Взгляд Томаса задержался на моих губах. Я сглотнула, по шее потекла капелька пота. Неосознанно я уставилась на Томаса, изучая его глаза.

Господи, это нехорошо.

Совсем нехорошо.

Не следовало приходить сюда. Я должна была проигнорировать Томаса, притвориться, что его не существует, как сделала сегодня утром.

Пальцами одной руки он удерживал мое запястье, ладонью другой спускался по спине к пояснице, прижимая меня к себе еще ближе.

– Для человека, которому все равно... – хрипло прошептал он, возвышаясь надо мной, наши груди поднимались и опускались в унисон, – ты слишком напряжена.

Я заморгала, изображая безразличие, которое совсем не ощущала.

– Ничего не могу с собой поделать. Это из-за твоей близости... – Я подняла его подбородок указательным пальцем, заставляя посмотреть мне в глаза. – Ты *раздражаешь* меня.

Его задели мои слова. Кажется. Томас умел скрывать эмоции гораздо лучше меня. Всегда умел. Он прищурился и одарил меня злобной улыбкой.

– Если тебе нужно в это верить, чтобы двигаться дальше, то я разрешаю.

Я выскользнула из его рук и со всем презрением, которое испытывала, выпалила:

– Ты просто идиот, если думаешь, что после всего, что ты со мной сделал, я не испытываю к тебе отвращения на самом деле.

Он насмешливо фыркнул.

– Да? Тогда скажи... – Он снова сократил расстояние между нами. – Если ты так сильно ненавидишь меня, почему звонила, когда была в отъезде?

Щеки вспыхнули, я замерла и задержала дыхание.

Как он догадался, что на другом конце провода была я?

Я помню, как в приступе паники бежала к телефонной будке в Монтане. Помню, как не задумываясь набрала его номер, помню, что он назвал мое имя за мгновение до того, как я повесила трубку. Но я ведь не ответила ему.

Стараясь не выглядеть обескураженной, я стиснула зубы и задрала подбородок.

– Не понимаю, о чем ты говоришь.

Томас приоткрыл губы, изогнул уголок рта.

– Нет, понимаешь. Объясни почему, Несс.

Судя по тому, как он смотрел на меня, как говорил со мной, даже как *прикасался*... Создалось впечатление, что единственное, чего он хотел, – заставить меня потерять контроль над собой и взорваться от ярости. Или от разочарования.

И, черт возьми, ему это удалось.

Я опустила глаза, покачала головой и горько рассмеялась.

– Боже мой, ты совсем не изменился. Ты все такой же высокомерный и самоуверенный.

– А вот ты, похоже, изменилась. – Он внимательно наблюдал за мной, коснулся пряди мелированных волос, игнорируя мои попытки сбросить его руку.

– Да, – подтвердила я решительно. – И ты даже представить себе не можешь, насколько.

На его лице появилась еще одна проклятая ухмылка, прежде чем он наклонился и приблизился к моему уху. Меня окутал неповторимый аромат ветивера и табака, пробуждая множество воспоминаний. Попытки оттолкнуть Томаса оказались тщетны, он лишь сильнее прижал меня к себе, схватив за бедра, коснулся губами мочки уха и медленно прошептал:

– Это будет весело.

Прозвучало как угроза.

К чему он клонит? Решил посмеяться надо мной? Заставить заплатить за Логана? Или ради развлечения попытаться сделать мою жизнь невыносимой?

Неужели он забыл, что сам стал причиной нашего разрыва? Именно его выходки, его неуважение ко мне, *его* предательство разлучили нас.

Разве я многого прошу? Всего лишь проявить хоть немного печали и раскаяния в том, что со мной сделал?

Я поморгала, облизнула пересохшие губы. То, как отреагировало мое тело на его прикосновения, вызвало еще большую ярость. И этот гнев я направила в нужное русло, с силой толкнула Томаса в грудь, заставив отшатнуться.

– Неужели ты думаешь, что я соглашусь на твои глупые игры, Томас? Я не забыла, что ты со мной сделал. И все еще помню, что ты *сказал*. Я ненавижу тебя так же сильно, как и месяц назад, и до сих пор жалею о каждом проведенном с тобой мгновении. Так что если тебе нужна война, клянусь, ты ее получишь, – прошипела я, прекрасно понимая, что Томас может воспринять эти слова как вызов, столь же заманчивый, сколь и опасный.

Потому что каким бы безумным и *большим* Томас ни был, часть меня *хотела*, чтобы он проверил меня.

Я хотела бросить ему вызов.

Довести до предела.

Заставить пожалеть, что он меня знал.

В этом желании не было никакой логической подоплеки – только адреналин и азарт, которые бурлили во мне и заставляли чувствовать себя живой. И я прекрасно знала, что вызовы – это хлеб с маслом для Томаса. Что ж...

В какую абсурдную ситуацию я себя втягиваю?

И какого черта я это делаю?

Я вернулась в Корваллис с благими намерениями: оставить позади Томаса, мать, отца, посвятить время учебе, работе, себе. Начать все с нуля, стать более сильной и осознанной, чем раньше. А вместо этого я здесь, в волчьем логове, предлагаю себя на съедение.

Должно быть, я сошла с ума.

– Будь осторожна. – Томас склонил голову набок, на губах застыла опасная улыбка. – Играя с огнем, рискуешь обжечься.

Я почти улыбнулась в ответ. С грустью. Но это чувство принадлежит только мне.

В голове крутился вопрос: как мы дошли до такого? Как перешли от любви... к ненависти?

В глубине души я знала ответ, и от него было дышать тяжело: Томас никогда меня не любил. Я же научилась превращать свою любовь к нему в ненависть. Ведь именно ненависть помогла пережить боль, которую он мне причинил.

В порыве сожаления я погладила Томаса по щеке, наслаждаясь таким знакомым теплом, а внутри образовалась пустота, которая засасывала в пучину. Пустота, которую я заметила в отражении его тусклых радужек.

Но я не отпрянула. Не убрала руку с его щеки, посмотрела прямо в глаза и сказала:

– Я не боюсь огня, Томас. Потому что уже прошла через это с тобой.
Надменная улыбка, которую он только что демонстрировал, исчезла.
Чтобы не дать ему ответить, я отвернулась и почувствовала, как его взгляд обжег мою спину.

Если Томас действительно хочет войны, я готова ее устроить.

Глава 2

После дневных занятий я зашла в кафешку во внутреннем дворе кампуса, чтобы выпить заслуженный кофе.

– Я должен был догадаться. – Знакомый голос раздался за спиной, пока я ждала заказ.

Винс обнял меня за плечи. Он ехидно улыбался, ясные глаза блестели в свете закатного солнца, белокурые локоны шевелил легкий ветерок. Я посмотрела на него с недоумением.

– Привет. Рада видеть. О чем ты должен был догадаться?

– Почему вдруг татуированный примат снова в хорошем настроении.

– Ты о Томасе?

– Сколько еще татуированных обезьян ты знаешь?

Я фыркнула про себя.

– Не думаю, что это моя заслуга, скорее наоборот.

– Тогда как ты объяснишь то, что он был невыносим несколько недель, а теперь, когда ты вернулась, волшебным образом стал спокойнее?

Я пожала плечами.

– Совпадение.

Винс положил на стойку несколько долларов, заплатив за кофе – двойной без сахара – и глазированный пончик в бумажном пакете.

– Полагаю, я должна поблагодарить тебя, – заявила я с улыбкой.

– Отплатишь ужином из морепродуктов с видом на море в шикарном ресторане.

– Ага. И на меньшее ты не согласен.

Теперь уже Винс пожал плечами.

– Скромность не мой конек.

Мы рассмеялись. Я почувствовала облегчение – несмотря ни на что, между нами не было неловкости. Не уверена, что назвала бы Винса другом, но была совершенно не против его компании. По крайней мере, иногда.

– Ты занята?

Он сел со мной за столик неподалеку от торговой будки, пока я отвлеклась на часы.

– Вообще-то да, но я не тороплюсь. А ты?

– Тренировка через час. – Винс вытянул ноги под столом, скрестил руки на груди. – Итак... – Он вздохнул. – Почему бы тебе не рассказать мне, что с тобой случилось?

Вопрос вызвал замешательство.

– Ты пропала среди ночи. Я искал тебя в Халселл-Холле, но твоя подруга, как там ее зовут? Тиффани? Ну, она перехватила меня перед общежитием и сказала, что тебя нет в городе.

– А. – Я опустила взгляд, теребя рукава куртки. – Ничего особенного, просто мне нужно было сменить обстановку, – почувствовав его пыливый взгляд, я подняла глаза. – Ты знаешь причину.

– Да. Этот придурок, мой друг, попал в переделку. – Винс покачал головой.

Я посмотрела по сторонам, пытаясь показать незаинтересованность.

– Это меня не волнует, все кончено.

– Понимаю, меня бы тоже не волновал парень, которого застукали в постели с моим злейшим врагом.

Я стрельнула в него острым взглядом.

– Эй, я просто говорю правду, – Винс вскинул руки. – Ты же это видела? Их двоих в одной постели, верно?

Я стиснула зубы, жалея, что решила, будто его компания не такая уж нежелательная. Очень даже нежелательная. К чему он клонит? Почему заставляет вспоминать то, что я так старалась забыть?

– Нам действительно нужно об этом говорить? – буркнула я.

– Нет, вовсе нет, но скажи мне правду. – Винс сдвинулся на стуле вперед и наклонился ко мне. – Тебе не показалось это странным?

Я вдохнула через нос, все больше раздражаясь.

– Что?

– Все, что произошло. То, как это произошло. Я давно знаю Томаса, а эту рыжую – гораздо дольше. Поверь мне, Жемчужинка, она чертовски талантливый манипулятор.

– Я в этом не сомневаюсь. Но то, что я видела, сложно было истолковать неверно.

– И что же ты видела? Их в одной постели, но...

– Нет, Винс. Я видела их *обнаженными* в одной постели. Это большая разница, – резко возразила я, чувствуя, как вена на шее пульсировала от одного только воспоминания о той картине.

– Слушай, я не собираюсь тебе врать, было время, когда эти двое отлично проводили время, это факт, который невозможно стереть. Но я зуб даю, что он ни к кому даже не подкапывал с тех пор, как у вас начались отношения. А возможностей у него было предостаточно. Неужели ты думаешь, что если бы он хотел ее трахнуть, то сделал бы это именно в тот момент, когда был не в себе?

«Да, я так думаю», – ответил внутренний голос. Я так думаю, потому что именно так он и поступал, когда хотел отключить мозг. Именно так он поступил со мной в ту последнюю ночь, которую мы провели вместе.

Я сглотнула комок в горле и посмотрела Винсу прямо в глаза.

– Я перестала задавать вопросы в тот самый момент, когда ответы начали терять смысл. Винс замер, я пару раз моргнула, он смирился и откинулся на спинку стула.

– Тебе от этого легче?

– Хуже точно не стало, – холодно заявила я.

Он склонил голову набок, нахмурился, будто о чем-то задумался.

– Он теперь не такой, каким ты его оставила. Он привел себя в порядок.

Хоть это признание и освободило меня от груза вины, разговор о Томасе все равно вызывал тревогу, которую трудно было сдерживать.

– Винс. – Я выпрямила спину. – Если Томас решил вернуть свою жизнь, я за него рада. Поверь, это все, чего я когда-либо хотела. Все, за что боролась. Но я заплатила за это здоровьем. Поэтому, пожалуйста, меньшее, что ты можете сейчас сделать, – это *прекратить. Говорить. О нем.*

Винс остался неподвижным.

– Ну и ладно. Как скажешь. – Он хлопнул ладонями по столу и развалился на стуле. – Как ты провела каникулы? Вечеринки устраивала?

Черт возьми, да, было очень увлекательно наблюдать за тем, как рушится моя жизнь.

Я прикусила губу, сдерживая нахлынувшее беспокойство, постаралась прогнать воспоминания о Монтане и притворно улыбнулась.

– Я похожа на человека, который любит веселиться?

– Жемчужинка, ты можешь этого не осознавать, но уверяю тебя – похожа. – Он кивнул на мои волосы.

– Из-за них? – Я тронула пальцами окрашенные концы. – Не говори глупостей. Я сделала это у Тиффани перед отъездом, просто потому что сто лет ничего в себе не меняла.

– Хм.

Винс просунул руку в пакет, где лежал *мой* пончик. Я ударила его в попытке остановить, но Винс поднес пончик ко рту и яростно в него вгрызся.

– Я не против этого нового стиля Круэллы де Мон, – высказался он с набитым ртом. Я закатила глаза и покачала головой.

– Если хочешь знать, я провела Рождество и Новый год с лучшим другом и его девушкой у ее бабушки с дедушкой. Мы играли в «Эрудит».

В полночь мы выпили по бокалу шампанского, а примерно через час я уже лежала под одеялом и плакала, размышляя о жизни. Но об этом я говорить не стала. Сделала глоток кофе и подколола Винса:

– Это вписывается в твое представление о *вечеринке*?

– Знаешь, моя бабушка живет в доме престарелых. – Он съел последний кусок пончика, измазавшись розовой глазурью. – И она, к твоему сведению, провела время лучше, чем ты.

Я рассмеялась.

– Поверю на слово. А ты, видимо, развлекался?

Винс кивнул.

– Одна девчонка с третьего курса устроила адскую вечеринку в своем двухэтажном особняке. Там было столько выпивки, что у меня до сих пор похмелье. А девчонки... Боже мой. – Винс провел руками по лицу и глотнул мой кофе, будто это его стакан. – Это было похоже на рай для кисок.

– *Винс!* – у меня расширились глаза. Неужели он спутал меня с одним из своих друзей-троглодитов? Я выхватила стакан из его рук. – И убери лапы от моего кофе.

– Ты спросила, ходил ли я на вечеринки... – попытался оправдаться он.

– Достаточно было ответить: «да».

– О, прости меня, Жемчужинка. – Он ангельски улыбнулся. – Нам было очень весело, так лучше?

Нам.

Он использовал множественное число.

Он ведь использовал его, не так ли?

Да, он использовал. Он использовал его.

Это значит, что, по всей вероятности, пока я лежала под одеялом, читая «*Нотр-Дам де Пари*» и рыдала, как дуручка, Томас был с ним, на этой потрясающей вечеринке, которую Винс описал как рай... нет. Я не буду это повторять.

В конце концов, они же друзья, почему бы им не встретить Новый год вместе? Скорее всего, так и было. И наверняка... они хорошо провели время. Они и все девушки. Возможно, именно на той вечеринке он встретил девушку, с которой я видела его сегодня утром.

Но какого черта! Почему я вообще об этом думаю?

Какая разница, что Томас делал в канун Нового года.

– Хотя некоторым было не так весело, – добавил Винс, насмешливо глядя на меня.

Я пожала плечами, уловив намек, решительно повторила:

– Мне все равно.

Винс поднял руки в знак капитуляции и улыбнулся.

– Как скажешь, – убедить его мне явно не удалось, но мы оставили эту тему.

Прежде чем мы попрощались, я допила кофе под рассказ Винса о девушках, на которых он положил глаз на вечеринке.

Оставшись одна, я поняла, что больше не могу откладывать эту встречу и отправилась в мужское общежитие в кампусе. Вызвала лифт, поднялась на четвертый этаж. Проходя мимо комнаты Томаса, заставила себя не поворачивать голову. Дошла до конца коридора, до двери D42. Встряхнула плечами, постучала и глубоко выдохнула.

В последнюю нашу встречу с Логаном ситуация вышла из-под контроля. Мы оба зашли слишком далеко. И мне до сих пор трудно было забыть шок, который я испытала, когда Логан потерял над собой контроль на моем диване.

До этого он был добр и внимателен ко мне. Приехал за мной по первому зову, несколько часов возил по городу, заботливо доставил домой... пока я вела себя как эгоистка. И в той ситуации поступила так же – использовала его. Не задумалась о его чувствах ни на секунду. Я позволила неверно трактовать мои действия и, что еще хуже, на следующий день, в присутствии Томаса, обвинила в том, чего не было, заставила страдать от ужасных последствий моей лжи.

Мне было стыдно. Логан этого не заслужил. Хоть и с запозданием, но я должна перед ним извиниться. А еще обсудить вопрос репетиторства. В начале декабря я от него отказалась, закрывшись в квартире и отдавшись хандре. Логан справился и без меня, сдал экзамены, но попросил позаниматься с ним в новом семестре. Вот только я не готова.

Спустя, казалось бы, вечность донесся звук приближающихся шагов и прозвучал напряженный голос:

– Кто там?

– Это я... Ванесса, – я запнулась, неуверенная, что Логан захочет меня видеть.

Логан приоткрыл дверь: на нем темно-синие брюки и шерстяной джемпер того же цвета поверх белой рубашки, волосы медового цвета уложены назад. Он застыл, уставившись на меня.

– Не ожидал тебя увидеть, – промямлил он.

Я не могла понять, почему Логан покраснел: смутился, удивился или... его что-то беспокоило. Я заправила волосы за уши, пытаюсь скрыть дискомфорт.

– Да, вот... Надеюсь, не помешаю.

Мы смотрели друг на друга и молчали, я все ждала ответа, но Логан ничего не говорил. Он ерзал, бросал нервные взгляды через плечо, и я догадалась, что выбрала неподходящее время, чтобы прийти. Возможно, у него там девушка, и я помешала. Появилась в самый неудачный момент.

Вот идиотка.

– О боже, Логан. – Я приложила руку ко лбу. – Прошу прощения, мне следовало позвонить заранее. Если у тебя гости, я могу зайти в другое время. Без проблем...

– Нет, – перебил он. – У меня никого, я один. Но видишь ли... – Он почесал затылок, оставляя дверь приоткрытой. – Там такой свинарник. Вчера вечером к соседу приходили друзья и устроили ужасный беспорядок. До сих пор не могу его убрать.

Я расслабила плечи.

– О, если дело только в этом, не волнуйся. После вечеринок братства, клянусь, меня ничем не удивишь, – попыталась я пошутить.

Но Логан не засмеялся. Даже не улыбнулся. Он стоял в напряжении, как восковая фигура.

– Я серьезно, Ванесса. Я бы предпочел, чтобы ты не входила.

Строгость его тона поставила в тупик – я не привыкла к такому Логану. Но настаивать не стала. Видимо, у него выработалось недоверие ко мне, поэтому нежелание впустить меня – вполне объяснимая реакция.

Я шагнула назад, чтобы дать понять, что не намерена вторгаться в его личное пространство.

– Хорошо. Мы можем встретиться... не знаю, завтра? Например, в баре или где ты предложишь. Тебя не было сегодня на занятиях, а я хотела поговорить.

Он кивнул.

– Завтра можно. Я свободен в обед.

– Отлично, увидимся.

В ответ на мою улыбку я получила лишь намек на нее, и Логан исчез за дверью. Я скептически смотрела на нее несколько секунд, пока не пришла к выводу, что Логан, скорее всего, злился на меня за синяки, которые получил от Томаса.

Я развернулась и пошла к лифту. А когда проходила мимо комнаты Томаса второй раз – дверь открылась и оттуда вышла девушка.

Одного взгляда на нее хватило, чтобы впасть в замешательство. Все вокруг замедлилось как во сне. Вернее... в кошмаре. Кошмаре, который я пережила.

Шана.

Ладони вспотели, легкие сжались, но я заставила себя продолжать идти. Когда мы встретились взглядами, на лице Шаны промелькнуло удивление. На мгновение. Но Шана быстро с ним справилась, злобно ухмыльнулась и провела указательным и средним пальцами по уголкам губ. Губ, накрашенных алой помадой, которую я никогда не забуду. Поправила бретельки черного платья в обтяжку.

Усилием воли я сохранила спокойствие, хотя тело обдало жаром, глаза защипало, а горло сжалось в болезненном спазме.

Не сдавайся, Ванесса. Не сдавайся. Продолжай идти. Прямо вперед. Подними голову. Ты сильнее ее. Ты сильнее их всех. Ты сможешь это сделать.

Я ответила на вызывающий взгляд Шаны таким же взглядом и задержала дыхание, пока двери лифта не открылись. Невозмутимо зашла в него, и только когда двери закрылись, прижалась к металлической стене, чувствуя себя беспомощным муравьишкой.

После всего, что произошло, они вдвоем... снова? Шана не лгала: он всегда возвращается к ней.

Первым порывом было разреветься и плакать до тех пор, пока не останется слез, но я заставила себя этого не делать. Я не дам им такой власти. Они уже однажды разорвали меня на части, и я не позволю этому случиться снова.

Вспомнился совет Стеллы о том, как можно выплеснуть гнев и разочарование. Я забежала в свою квартиру в Халселл-Холле, собрала волосы в высокий хвост, запихнула в сумку черные легинсы с высокой талией, спортивный бюстгальтер и отправилась в спортзал в Центре отдыха Диксона.

В зале занимались с гириями и подтягивались студенты из футбольной команды, перед зеркалом сосредоточено приседали две девушки. Я встала на беговую дорожку и побежала со средней скоростью, постепенно ее увеличивая. После разминки перешла к боксерской груше, висевшей на кольце посреди зала, и начала бить по ней, представляя лицо Шаны. И лицо Томаса. Я была изо всех сил, видя картинку, как они вдвоем веселятся, а я корчусь от боли.

Иди к черту, Томас.

Удар со всего маху.

Я поддержала тебя в самый неподходящий момент.

Еще один удар.

А ты...

Еще один.

Ты уничтожил меня.

Я нанесла серию резких, быстрых ударов, как бы уничтожая грушу. По спине потек пот. Дыхание сбилось. Ярость затуманила рассудок. Рядом приглушенным голосом кто-то что-то сказал, но я продолжила бить грушу, пока меня не схватили за плечо – по инерции кулак вместо груши впечатался в лицо.

– Ой! – вскрикнули мы оба от боли.

Я зажмурилась и стиснула зубы, сгибаясь пополам. Прижала кулак к животу, пытаюсь заглушить боль в костяшках – не помогло. Когда открыла глаза, то едва успела увидеть, как веки Винса сомкнулись и он рухнул на пол.

– О боже! – крикнула я в ужасе. – Винс!

Я опустилась на колени рядом с ним, заметила струйку крови под носом.

– Боже, прости меня, клянусь, я не хотела тебя ударить! Сработал рефлекс!

– Он сломан, да? Мой нос обречен навсегда? – Винс ощупывал место удара.

– Нет! Он не сломан, – я неуклюже попыталась его успокоить.

– Ты маленькая и тщедушная, объясни, как ты умудрилась меня вырубить! Ты что, на стероидах? – буркнул он.

К нам подошли парни из баскетбольной команды и едва сдерживали смех.

В дверном проеме, опираясь плечом о косяк, стоял Томас и настороженно смотрел на меня. Он был в форме: видимо, его восстановили в команде. Мне бы стоило порадоваться за него, но я не могла. Потому что единственное, о чем сейчас думала, – что еще несколько минут назад он был в своей комнате с Шаной.

Как он может? Как может прикасаться, целовать и желать других женщин, если меня тошнит от одной лишь мысли о прикосновениях другого мужчины.

С той же яростью, которая заставила меня атаковать боксерскую грушу и нос Винса, я бросила на Томаса мрачный взгляд и вернула внимание к словам друга, все еще лежащего на полу. Он что-то бормотал о возможном употреблении стероидов?

Что? Нет! Я просто... я задумалась. И очень злилась!

Ребята помогли Винсу подняться, усадили на мягкое ограждение ринга.

– Чувак, ты понимаешь, что тебя нокаутировала девочка-второкурсница? – Мэтт дружески похлопал Винса по плечу. – Как себя чувствуешь? Цел?

– До сих пор вижу, как над головой проносятся чертовы звезды, – Винс наклонил голову, вытер кровь платком, который протянул Мэтт.

Мэтт с недоверием посмотрел на меня, кажется, хотел что-то сказать, но медлил. Последний раз мы разговаривали, когда я была в его братстве и попросила не говорить об этом Томасу. Конечно, он меня не слушал.

Пришлось свести счеты с колесами его машины.

– Мне очень стыдно, Винс, правда. Давай отведем тебя в медпункт, ты можешь встать на ноги? – Я попыталась взять его за руку, но как только дотронулась до него, почувствовала такую сильную боль, что не сдержала крик.

– Тебе стоит приложить лед, если не хочешь, чтобы стало хуже, – с опаской посоветовал Мэтт.

– Обязательно, – сухо ответила я. – Ты пришел мне что-то сказать, Винс?

– Хотел похвалить твои левые хуки, пока один из них не прилетел мне в лицо, – объяснил он, пока несколько парней лили ему на нос воду из бутылочки.

Я покачала головой и с сожалением вздохнула.

– Я принесу тебе бинт, хорошо?

– Не беспокойся обо мне, Жемчужинка, я выживу, – он вытер рукой капли воды, стекающие по шее. – Лучше побеспокойся о своей руке, она опухает.

Я посмотрела на кулак и поняла, что он прав. Я так испугалась за Винса, что боль отошла на второй план, а сейчас начала возвращаться.

Мы оба поднялись с пола, и, убедившись в сотый раз, что Винсу не нужны бинты и повязки, я пошла в медпункт за льдом для себя. Томас по-прежнему стоял, прислонившись к двери, во всем своем величии, неподвижно, скрестив мускулистые татуированные руки на груди. Взглядом дюйм за дюймом он пробежался по изгибам моего тела, подчеркнутым спортивными легинсами и топом, который обтягивал грудь и оставлял неприкрытым живот.

Оказавшись перед ним, я раздраженно выгнула бровь.

– Уйди с дороги.

Он поколебался мгновение, стиснул челюсть, но все же сдвинулся в сторону и позволил мне пройти, не проронив ни слова.

Я миновала коридор, спустилась по лестнице в подвал, вошла в медпункт, там увидела сотрудника, который стоял спиной к двери и листал какие-то бумаги.

– Здравствуйте, со мной произошел несчастный случай во время тренировки в спортзале, можно мне немного льда?

Постукивая пальцами здоровой руки по стойке, я ждала, когда мужчина повернется и обратит на меня внимание. Но он продолжал заниматься своими делами, будто меня не существовало.

Я прочистила горло и повторила:

– Простите? Мне бы не помешало немного льда.

Ноль реакции. Он снова проигнорировал мою просьбу, поднял с пола несколько коробок и понес их на склад, оставляя меня в оцепенении.

– Ты говоришь слишком тихо. – Глубокий голос Томаса заставил вздрогнуть. – Старина Чарли плохо слышит, а доктор Аллен в этот час не дежурит.

Какого черта... он что, следит за мной?

Томас перегнулся через стойку и, незаметно для сотрудника, достал из шкафчика пакет с сухим льдом и марлевую повязку. И с невозмутимым видом протянул мне.

– Не помню, чтобы я просила тебя о помощи, – сказала я, прижимая пакет к тыльной стороне ладони.

– Если не станет лучше, стоит сходить в больницу, это может быть растяжение.

Томас попытался взять своей рукой мою пострадавшую руку, чтобы оценить травму, но я отшатнулась, словно контакт с его кожей обжег. Я была не в силах думать о том, где эти руки находились совсем недавно.

– Не знаю, с чего ты взял, что твой жалкий интерес ко мне допустим. Мне казалось, я ясно выразилась сегодня утром: я не хочу видеть тебя рядом с собой.

Томас нахмурил брови.

– Не самая лучшая идея прийти в спортзал, если не хочешь видеть меня. Я провожу здесь много времени.

– Я могу пользоваться общими зонами, Томас, – ответила я сдержанно, – не имея при этом желания пересекаться с тобой.

Он ничего не ответил, не выказал никаких эмоций, просто посмотрел на меня.

– Ты ведешь себя так, будто ненавидишь меня, но мы оба знаем, что это фарс.

– Да что ты. Я тебя очень даже ненавижу.

– И все же ты здесь.

– Это ты преследовал меня.

– Кажется, я не удерживаю тебя силой. И утром не заставлял подойти ко мне в саду.

Я раздраженно фыркнула из-за его намеков, хотя понимала – Томас прав.

– Хочешь верь, хочешь нет, но ты больше ничего для меня не значишь. Я двигаюсь дальше. И ушла настолько далеко, что не могу понять, как могла проводить время с таким подавленным, неуравновешенным *алкоголиком*, как ты.

Томас напрягся, и через секунду я поняла, какую гадость сказала. Гнев – разрушительное чувство, оно затуманивает логику. Я воспользовалась слабостью Томаса, не удержала язык за зубами. С другой стороны, он постоянно нарушал рамки и границы по отношению ко мне. Почему я должна о нем заботиться после всего, что он сделал и продолжал делать? Это единственное оправдание, которое я смогла придумать, чтобы очистить совесть. Гнусное оправдание. Трусливое.

Томас застыл, даже не моргал. Я почувствовала его боль сквозь тяжелое дыхание. Боль, которую причинила я. Осознанно. Второй раз за день. Это должно было принести удовлетво-

рение, верно? Это и было целью. Причинить ему боль. Дать понять, что отныне он будет получать от меня только гадости.

Но почему же тогда, чем больше я на него смотрела, тем сильнее разрывалось сердце, заставляя задыхаться?

Не в силах больше выносить его уничижительный взгляд, я шагнула к выходу, но Томас жжал кулаки и встал передо мной, преграждая путь. Пристально пробежался по мне глазами, приблизился к уху, заставляя отступать все дальше и дальше.

– Позволь кое-что тебе сказать, – прорычал он сквозь стиснутые зубы, возвышаясь надо мной. – Твой образ сильной, несокрушимой девушки не выдерживает критики. Мы оба знаем, что если бы я захотел, то мог бы довести тебя здесь до слез.

Он прервался, когда я прижалась спиной к стене, попав в ловушку. С угрожающей ухмылкой прикоснулся пальцем к моей щеке – по телу пробежала дрожь.

– Я делаю это не потому, что это ты...

Томас оперся рукой о стену, рядом с моей головой, и опустил глаза на декольте. На мгновение что-то сбило его с толку, он нахмурился, и я заметила, что радужные оболочки глаз потемнели.

Черт. Татуировка. Заметил ли он ее?

Он снова поднял взгляд к моим глазам и впился в них с такой яростью, что задрожали колени и побежали мурашки по коже.

– Если ты и дальше будешь вести себя как сучка и относиться ко мне как к ублюдку, то рано или поздно лишишься ног. А это будет очень обидно, поскольку они – единственное, ради чего на тебя стоит смотреть.

Звук пощечины раздался в коридоре оглушительным эхом. Правую ладонь закололо иголками.

О. Боже.

Я ударила его.

Почему? Я никогда не заходила с ним так далеко, даже в то утро, когда застала с Шаной. О чем я только думала?

Томас посмотрел на меня искоса, потер щеку, в глазах вспыхнуло пламя.

– Полегчало?

Нет, не полегчало. Меня трясло от гнева.

– Ни капельки, – выплюнула я сквозь зубы ему в лицо и ушла.

Глава 3

– Эти двое все еще трахаются, – прорычала я в трубку, с яростью захлопнув дверь в квартиру. – Представляешь? Я целую неделю лежала в комнате и хандрю. Не спала, не ела, не мылась! Я даже чуть не попала в аварию! А эти двое все еще трахаются!

Я бросила спортивную сумку на диван, порывисто развязала хвост, все еще чувствуя покалывание в ладони, которой отвесила Томасу пощечину.

– Милая, я знаю, ты в шоке, но постарайся успокоиться, иначе рискуешь...

– Успокоиться? – перебила я Тиффани. – Как мне успокоиться? Господи, этот парень привел меня к себе домой! Усадил за стол с его матерью. Он рассказал...

О брате, об отце...

– Он рассказал о своей личной жизни. Неужели он смог так быстро стереть меня из памяти? А я-то, глупая, ожидала, что он будет переживать из-за нашего разрыва. Хотя бы немного. Вместо этого... – Я болезненно вздохнула от свалившейся на меня голой правды. – Вместо этого – ничего... Он живет дальше и ведет себя так, словно все, что между нами было – не важно. И я никогда не была для него важна.

– Конечно, была...

– Пожалуйста. Не надо. Ковер на его полу еще не просох от моих слез, а он уже затащил эту сучку в постель. Они никогда не переставали встречаться, понимаешь! Я ошибалась, думая, что для него хоть что-то значила. Очевидно, это не так.

– Ситуация настолько запутанная, я уже не знаю, что и думать, – Тифф вздохнула, и наверняка сейчас кончиками пальцев помассировала виски.

Я положила лед на стол, села на пол, прислонилась к дивану и подтянула колени к груди.

– Сегодня он вел себя невыносимо при каждом удобном случае.

В голове промелькнула утренняя картинка, когда Томас прошел мимо меня, прижимая к себе девушку. Это был удар ниже пояса. Он знал, что я там, и прекрасно понимал, что я их увижу. Он *хотел*, чтобы я их увидела. Хотел задеть меня. Будто до этого причинил недостаточно боли. Не удержался от провокации, когда мы столкнулись у столовой, а потом в медпункте.

Я тоже не безгрешна, не стоило его ранить. Да еще и использовать для этого самое уязвимое место. Согласна – это, без тени сомнения, самый трусливый поступок. Логично, что он пытался вызвать у меня столь же ядовитую реакцию. Хотя, если честно, я надеялась, что после нашей последней ссоры Томас научился сдерживать злобу.

– Дорогая, не хочу никого оправдывать, но... ты заставила Томаса поверить, что переспала с Логаном. Чего ты ожидала в ответ? Что он извинится на коленях? Или усыпет твою комнату цветами? А может, оставит плакат перед дверью с надписью «Прости меня»? Ну, серьезно, мы же все еще говорим о Томасе. К тому же, тебе не кажется, что у него есть причины на тебя злиться?

Ее слова поразили.

– Ты заступаешься за него? Может, тебе напомнить, какие ужасные вещи он мне сказал и что я увидела в его комнате? Он хотел этой ситуации, и мне плевать, что он сейчас злится.

– Не говори глупостей, я никогда не буду защищать мудака, который разорвал в клочья сердце моей лучшей подруги. Я просто хочу сказать, что ты должна была ожидать подобной реакции с его стороны, – пробубнила Тиффани, как будто что-то жевала.

Я закатила глаза и презрительно фыркнула, понимая, что подруга права. Нужно было принять во внимание, как Томас воспримет ложь про Логана, но часть меня надеялась, что Томас поведет себя иначе. Эта глупая маленькая часть меня, которая упорно продолжала испытывать к нему чувства. Я провела рукой по волосам и глубоко вздохнула.

– Ты бы слышала, что он мне говорил...

– Нет, лучше бы не слышала, иначе он бы уже оказался без яичек.

Образ мстительной Тиффани рассмешил, правда, смех вышел грустный.

– Эй, постарайся не терять концентрацию, слышишь? Ты вернулась в Корваллис прошлой ночью и посмотри – уже стала жертвой его характера.

И снова Тиффани права.

– Я просто не могу смириться с тем, насколько радикально все изменилось. И... – Мой голос был едва громче шепота.

– Что? Что еще тебя беспокоит?

Прежде чем признаться, я крепко сжала телефон пальцами.

– От мысли, что мне придется видеть их вместе, хочется умереть. Я не... я не думаю, что мне хватит сил это выдержать.

– Ох, – вздохнула Тиффани, – если они только посмеют, им придется иметь дело со мной. Не знаю, насколько это их напугает, но на уроках криминологии я узнала несколько трюков, которые помогут закопать труп, не оставив следов.

Я приподняла бровь.

– Чему вас учат на занятиях?

– Разным секретикам, красавица.

Ее попытка хоть немного смягчить ситуацию вызвала улыбку.

– Послушай, – продолжила подруга более спокойным тоном. – Тебе нужно подумать о себе и своем душевном спокойствии, поэтому я хочу, чтобы ты кое-что мне пообещала.

– Что? – осторожно спросила я.

– Пообещай, что не будешь связываться с этой парочкой, чего бы тебе это ни стоило. Я не хочу снова увидеть сцену, которую видела сегодня утром, когда ты встала и пошла к Томасу, игнорируя все вокруг. Мы с Алексом не знали, бежать ли тебе на помощь или сразу звонить в психушку.

Что тут сказать. Я перебирала ворсинки на ковре, понимая: когда дело касалось Томаса, моя рациональность вылетала в окно. А если в дело вмешивалась Шана – мой разум ослепляли ненависть и жажда мести.

Тиффани права, стоит уже подумать о себе. О своем счастье, которое точно не носит имя Томас.

– Обещаю, – заверила я, стараясь звучать как можно убедительнее.

Завершив телефонный разговор, я приложила к руке лед. Остаток вечера провела за учебниками по этике, занимая мозг чем-то полезным, чтобы он не блуждал по лабиринту мучительных мыслей.

Вечером пришло сообщение от Дерекса: он написал, что ремонт «Марси» закончится недели через три, и предупредил о новом графике работы. Теперь мои смены будут только по выходным, поскольку обучение в университете уже оплачено и денежный вопрос перестал быть критичным. Открытие запланировано на пятницу, в этот день у нас будут отмечать мальчишник. Я записала информацию в свой верный дневник и продолжила заниматься до поздней ночи, пока не закрылись глаза.

Проснувшись я с пониманием, что боль в руке утихла и что во мне появились энергия с решимостью начать все с чистого листа.

Занятия сегодня начинались во второй половине дня, поэтому я воспользовалась эйфорией: подключила телефон к беспроводной колонке, врубил The Roots группы The Seed. Надела флисовую пижаму с плюшевыми мишками и, пританцовывая в ритме песни, отправилась на кухню. Откусила пончик, налила в стакан апельсиновый сок, не переставая покачивать

бедрами. Спустя четыре песни зазвонил телефон. На дисплее высветилось имя Логана. Я в недоумении поднесла мобильник к уху.

– Привет, Логан, все в порядке?

– Привет, да, все хорошо. Просто хотел сказать, что у меня возникла небольшая заминка, но я буду в столовой через десять минут.

Я поморгала.

Наша встреча!

Я о ней совсем забыла. Начала утро без спешки и не заметила, что уже... я посмотрела время на телефоне... *без пятнадцати одиннадцать?!*

– О, эм, да, без проблем, – я поставила стакан с соком в раковину. – Не торопись, увидимся там.

Не попрощавшись, я завершила звонок. Приняла душ, выставила фен на полную мощность, чтобы быстрее высушить волосы, завязала их в пучок. Надела белую блузку, кардиган, светлые джинсы, конверсы и спустя минут пять уже торопливо шагала по коридору к выходу из Халселл-Холла, неуклюже пытаюсь надеть еще и пальто.

На полпути я заметила девушку, которая раздавала брошюры всем, кто проходил мимо нее. Опустила голову, попыталась пройти, не пересекаясь с ней взглядом, но, к сожалению, оказалась в ее когтях. Девушка преградила путь и вложила мне в руки пару листовок.

– Директор Кэмпбелл объявил сбор средств, часть которых пойдут на благотворительность и строительство приюта для животных.

– Благодарю, достойная восхищения инициатива, но, видишь ли, я должна...

Девушка перебила.

– В последнее воскресенье января пройдет женский забег. Регистрация открыта до пятницы, вступительный взнос десять долларов.

Я попыталась вставить хоть слово, но бесполезно. Девушка говорила на автомате, черт побери.

– Приз за первое место – десять тысяч долларов.

Я в изумлении посмотрела на брошюру, потом на девушку, она кивнула, понимая, какие мысли пронеслись у меня в голове.

Черт побери, это приличная сумма! Жаль, что я всей душой ненавидела бег. Я клятвенно пообещала сделать пожертвование в поддержку животных, сложила листовки в сумку и поблагодарила девушку.

В столовую влетела, запыхавшись, и выдохнула, не найдя Логана – ненавижу опаздывать – отправила ему сообщение, что на месте. Он ответил, что все еще не освободился, но обязательно придет. Пользуясь случаем, я пошла в туалет, и, уже оказавшись внутри, услышала хихиканье группы девушек. Я не обратила на них внимания, пока не поняла, что один из голосов принадлежал Шане. Я заперлась в кабинке, затаила дыхание и прислушалась.

– Боже мой, вы ее видели?

Нас разделяла лишь тонкая деревянная дверь, но тон ее голоса, полный яда, сложно было с чем-то перепутать.

– Прежде чем думать о соревновании, ей следует сбросить тонну жира, если она не хочет катиться по земле, как шар.

Шана злобно рассмеялась, а я широко раскрыла рот, потрясенная такой злобой. Ладони зачесались от нервозности. Прижав ухо к двери, я продолжила подслушивать.

– На этот раз ты зашла слишком далеко. Ты ее оскорбила, – вмешалась одна из девушек, в то время как остальные хихикали, словно идиотки.

– Я всего лишь повысила ее осведомленность, – возразила Шана. – Когда-нибудь она еще поблагодарит меня, вот увидите.

– Это просто соревнование.

– Это не просто соревнования. Это гонка, – рыкнула Шана. – Вы слышали, какой призовой фонд? Десять тысяч! Этот приз должен быть моим.

– Ты хоть представляешь, сколько человек будет участвовать? – напомнила ее подруга. – Ты планируешь саботировать регистрацию любого, кто попытается?

– Не любого, а только ненужного. Это называется естественный отбор.

Девушка, спорившая с Шаной, фыркнула.

– Ты безумна.

– Да, я такая. Сумасшедшая и отчаявшаяся. Что, черт возьми, с тобой не так? Ты, как никто другой, знаешь, как сильно мне нужны эти деньги. Так почему читаешь нотации?

В туалете наступила тишина, ее прервал только стук, будто Шана ударила чем-то о раковину... Видимо, она нервничала.

– Я понимаю, почему ты так хочешь получить этот приз, но ты перегибаешь палку, поверь.

– Слушай, я что-то не понимаю, какого черта ты принимаешь это так близко к сердцу, – выдала Шана, явно задетая за живое.

– Потому что в старшей школе я была такой еж, как та девушка, и именно ты защищала меня от травли. Участие в забеге было ее правом, а ты его у нее отняла, это несправедливо, и ты это знаешь, хотя упорно делаешь вид, что это не так.

Никто не ответил, даже другие девчонки перестали хихикать. Я почти с облегчением отметила, что у одной из подхалимок Шаны, оказывается, есть не только мозги, но и капля человечности.

– Боже мой, ты такая заноза в заднице, Деб, – фыркнула Шана, раздраженно выдыхая. – Я найду способ извиниться, довольна?

Ответа я не услышала, потому что девушки вышли из туалета. Я положила руки на дверь, попыталась переварить услышанное. А когда в голове родилась безумная идея, скривила губы в самодовольной гримасе.

– Я приму участие в благотворительном забеге! – воскликнула я несколько минут спустя, швыряя листовку на стол в столовой, за которым сидела Тиффани.

Подруга ошарашенно уставилась на меня, опустила взгляд на листовку, взяла ее в руки и прочитала напечатанный текст.

– Тебе нужны деньги? – спросила она, приподняв бровь.

– Нет.

Лоб Тифф нахмурился еще сильнее.

– Тогда почему?

Мимо нас как раз проходила Шана со своей свитой и яблоком в руках, я проводила их взглядом.

– Потому что она участвует.

Тиффани проследила за моим взглядом и быстро сложила два и два.

– Прости, а как же обещание больше не связываться с этой парочкой?

– Ну... – я поморщилась, – технически это касается не двоих. А только ее.

– Конечно, только ее... – повторила Тиффани, посмотрела на меня с недоверием, повертела листовку в руках, неохотно рассматривая. – Не знаю, не уверена, что это хорошая идея.

– Думаешь, я не справлюсь? – в моем голосе сквозило разочарование.

– Я думаю, что у этой сучки ноги длиннее твоих, и она занимается легкой атлетикой с тех пор, как ты начала ходить. И, дорогая, ты знаешь, что я люблю тебя, но ты и спорт... ну, вы никогда не были особо близки. – Тиффани пожала плечами и надула щеки. – Выдержать такую гонку – дело нехитрое.

– Верно, но я в последнее время много тренировалась, – я задрала подбородок, демонстрируя решимость.

– А если она выиграет и использует это, чтобы снова унижить тебя? Ты об этом подумала? Тиффани открутила крышку бутылки с водой, сделала глоток. Я лишь хмыкнула.

– Переживу. Я участвую в забеге не ради победы. Я участвую, чтобы лишиться победы *ее*. По взгляду подруги я поняла, что она все еще волновалась. Поэтому я села напротив и попыталась донести свою точку зрения.

– Знаю, что это неправильно, Тифф. Месть не поможет мне почувствовать себя лучше, не поможет мне понять, что стоит оставить все это позади и жить дальше. Но я не могу. И не только из-за Томаса. Из-за всего, что она сделала со мной и продолжает делать с *теми*, кто встает у нее на пути. Этой суке пора преподать урок.

– А гонка, значит, позволит тебе это сделать?

– Я слышала, что она хочет выиграть приз любой ценой. – Я замолкла на секунду. – И знаешь, чего я хочу?

– Забрать его у нее, – догадалась Тиффани, взяла мою руку и нежно сжала в своей. – Если ты уверена, что хочешь этого, я с тобой.

Мы поболтали о том о сем и попрощались. Логан так и не появился. А ведь время перевалило за полдень и у меня скоро начнутся занятия. Я позвонила ему, но включился автоответчик. У меня внутри зародилась паника – Логан всегда был пунктуален.

Надеюсь, с ним ничего не случилось.

Я подождала еще несколько минут и, чтобы скоротать время, пошла за бутылкой воды. В очереди у кассы скользнула взглядом по Шане, она стояла в задней части столовой и щебетала с подругами.

– О чем задумалась, Жемчужинка?

Кошачьей походкой в мою сторону направлялся Винс, в руках держал две бутылки Gatorade.

– Замышляю личную месть, – ответила я, не отрывая глаз от объекта.

– А-а-а-а, – протянул он, когда мы сделали несколько шагов к кассе. – У вас, женщин, так все запутанно.

Я резко повернулась и только сейчас заметила, что он в форме регби, которая придавала ему суровый вид.

– Они снова спят, ты знал об этом?

– Томас и рыжая? – Винс рассмеялся так, словно я произнесла величайшую из нелепостей.

– Я вчера видела, как Шана выходила из его комнаты в общежитии.

– И что? – Винс пожал плечами.

Меня задела его реакция. Как он может обесценивать то, произошло?

– Как что... – я попыталась сохранить самообладание, – у нее был вид человека, который неплохо так потрудились.

– Жемчужинка, не знаю, что ты там видела, но поверь: вчера днем я все время был с Томасом. Мы съели по сэндвичу, а потом сразу пошли в спортзал, где ты разбила мне нос, – мелодраматично добавил он. – И да, Шана искала его, но не нашла. Несколько недель назад Томас переехал в Диксон-Лодж.

– Подожди, Диксон-Лодж?! Но разве это не жилье, предназначенное для...

– Для студентов, проходящих курс реабилитации, да.

Он проходит терапию? Винс говорил, что Томас очистился, но я не думала, что он так серьезно настроен. Эта информация обескуражила, и на мгновение вся враждебность к Томасу рассеялась. Это не должно меня волновать, но при мысли обо всем, через что он проходит, сердце слегка сжалось.

– Ну, но... – я поморгала. – Почему Шана пошла в общежитие, если Томас там больше не живет?

Винс снова пожал плечами.

– Потому что она уже давно ничего не знает о его жизни. Ларри или новый жилец, вероятно, впустили ее, а ты прошла мимо как раз в тот момент, когда она уходила, не найдя того, кого искала. Впрочем, нечего сказать.

Я продолжила ошарашенно смотреть на Винса.

– Но она... она смотрела на меня так, что не оставалось никаких сомнений в том, что там произошло.

– Ни хрена себе... – Винс бросил на меня лукавый взгляд. – Я ведь говорил, что она отличный манипулятор. А ты слишком доверчива. Ну скажи, зачем мне-то тебе врать?

Томас не был с Шаной. Я с облегчением приняла эту правду. Жаль, что облегчение испарилось, как только я вспомнила, что сказала Томасу и как повела себя с ним.

«Не извиняйся, ты его презираешь», – подсказал внутренний голос.

Но ведь я причинила ему боль...

«Он тоже причинил тебе боль», – властно напомнил болтун в голове.

– В любом случае...

Тяжелую борьбу сердца и мозга прервал насмешливый голос Винса, который смотрел на меня, приподняв уголок рта.

– Ты же сказала, что тебе уже все равно.

Я вышла из оцепенения и постаралась изобразить безразличие.

– Да, это действительно так.

Никто из нас в это не поверил. Ни он, ни я. Винс прав, я снова попала в ловушку Шаны. Осознание этого разрывало на части, потому что я ударила Томаса ниже пояса. Мне стало жутко стыдно, что я бросила ему в лицо его слабость, которая стала причиной гибели всей его семьи. Слабость, которую он доверил мне, думая, что я никогда не заставлю его чувствовать себя неправым. Что никогда не использую ее как оружие против него. А вместо этого я именно так и поступила.

Увидев Логана в дверях, ведущих в сад, я отбросила разочарование в себе.

Логан поднял руку, приглашая присоединиться к нему на улице, я с упавшим настроением расплатилась за воду и попрощалась с Винсом. Он уставился на Логана и повернулся ко мне в недоумении.

– Ты же не собираешься сказать, что все еще встречаешься с Фэллоном.

Только этого нам и не хватало...

– У меня нет времени на объяснения, – оборвала я и, не обращая внимания на реакцию Винса, ушла.

– Давай присядем там, хорошо? – Логан указал на деревянный стол под большим голым кленом.

Я кивнула и через силу улыбнулась.

– Я уже начала волноваться. Боялась, что ты упал в овраг или что тебя взяли в заложники инопланетяне.

– Ничего подобного. Утром у меня были дела за городом, а на обратном пути у въезда в Корваллис произошла авария. Я застрял в пробке, – объяснил Логан, усаживаясь напротив меня.

– О, и ты не получил мой звонок?

– Какой звонок? – Нахмурившись, он достал телефон из кармана пальто и с сожалением закрыл глаза. – Прощу прощения, вероятно, сигнал был слабый.

– Не волнуйся, главное, что ты в порядке.

Он не отрицал и не подтверждал, а перевел вопрос на меня:

– А как у тебя дела?

– Как обычно, – ответила я. По правде говоря, я не знала, что чувствовала. Пожалуй, больше всего состоянию подходило слово «уныние». – Спасибо, что откликнулся на приглашение.

– Не шути так, – упрекнул он. – Хотя, честно говоря, я удивился. Я боялся, что после нашей последней встречи мы больше не увидимся.

– Ага. – Я устроилась на деревянной скамейке, скрестив ноги.

От воспоминаний о той ночи скрутило желудок. Тогда я поставила Логана в тупик, спровоцировала, а теперь должна извиниться.

– Итак, ты сказала, что хочешь поговорить со мной... – начал Логан.

– Да. – Я сделала глубокий вдох, сплела пальцы рук и положила их на стол. – Я знаю, что произошло между тобой и Томасом на следующий день после того, как мы с тобой... – Я на мгновение запнулась. – Ну, ты понимаешь.

Он молча посмотрел на меня, но я заметила, как напряглось его тело.

– Это ужасно, мне так стыдно, поверь. Он снова избил тебя из-за меня. Из-за моей лжи. Я не хотела втягивать тебя в наш бардак. Мне так жаль.

– Эй. – Логан покачал головой, положил руку поверх моей, чтобы успокоить. – Тебе не за что извиняться. Если кто и должен это делать, так это я. Ты нуждалась в том, чтобы кто-то был рядом, а я воспользовался ситуацией и поддался инстинктам. Я не должен был этого делать.

Все еще чувствуя себя неловко, я убрала руку и отстранилась.

– Мы оба совершили ошибку, – искренне признала я. – Но это не единственная причина, по которой я хотела увидеть тебя сегодня. Я хотела сказать, что, в силу целого ряда обстоятельств, не смогу быть твоим репетитором.

– Что? – опешил он.

– Мне очень жаль, Логан, но после той ночи... – Я закрыла глаза и тяжело сглотнула. – Я не думаю, что смогу помогать тебе так, как ты того заслуживаешь.

– Ванесса, уверяю тебя, этого больше не повторится, я потрясен, поверь мне...

– Верю, – перебила я и дальше говорила с предельной осторожностью, чтобы Логан не почувствовал себя атакованным. – Но не смогу притворяться, что твое поведение не подкосило меня, потому что это было бы ложью.

На соседней скамейке присели студенты, и я перешла на шепот.

– Понимаешь, ты всегда относился ко мне хорошо, был добрым, понимающим и всегда оказывался рядом, когда я в тебе нуждалась. Но в тот вечер в какой-то момент ты полностью потерял контроль. Не знаю, что с тобой случилось, но ты не был похож на себя, на того Логана, которого я знала, ты казался тем, к кому можно испытывать только... *страх*.

Логан отшатнулся, будто я ударила, черты его лица ожесточились.

– Ты говоришь так, будто я силой затащил тебя на диван. Вот только это ты мне позволила. Ты затащила меня в комнату. И когда я собирался уйти, именно ты остановила меня и поцеловала. Ты позволила обнять себя, раздеться. Не остановила, когда разделся я, – гневно выплюнул он.

Его ярость застала меня врасплох и лишила дара речи.

– Прежде чем продолжить, я спросил, уверена ли ты в том, что мы делаем. Ты не возражала, и я подумал, что ты хочешь этого так же сильно, как и я!

Разговор становился настолько жарким, что прохожие начали оборачиваться. Меня затопил стыд, живот свело, заставляя опустить взгляд. Получается, что во всем виновата я? Так и есть. Это я позвонила Логану, умоляла меня забрать. Сама впустила в дом, а когда он поцеловал, не отстранилась, ответила на поцелуй. Соглашалась с каждым его шагом, заставляя поверить, что именно этого я и хотела.

– Ты прав, – пробормотала я, надеясь, что Логан тоже понизит голос. – По моей вине мы оказались на диване, но когда я попросила тебя остановиться, ты этого не сделал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.